

Подлинность мира по ту сторону рампы

Три балета Джона Ноймайера в Петербурге

Чувственная - 2003 - 25 июля - с. 7

Марина Заболотная

Гамбургский балет Джона Ноймайера показал в Петербурге три спектакля: «Нижинский», «Чайка» и «Дама с камелиями». Во всем своем великолепии он доказал, что истинному новаторству не обязательно топтать традиции классики. То, чем стал Гамбургский балет при Ноймайере, – Центр балета, – по сути своей идеальная формула для развития искусства. Это комплекс с театром, репетиционными студиями, школой и интернатом. Труппа – сборная. Солисты – из Польши, России, США, Белоруссии, Франции, Германии, Канады, Чехии, Италии, Пуэрто-Рико. Будучи гражданином мира, Ноймайер создал новую Вавилонскую башню, которой не грозит разрушение.

Ноймайер оравлен русским авангардом, «русскими сезонами» Сергея Дягилева, Нижинским, в честь которого его театр каждый год дает гала-концерт. В своих странствиях по Новому и Старому Свету он учился танцу в Королевском Датском балете у Веры Волковой. Нижинский для него – что Станиславский для МХАТа.

Три спектакля, показанные на фестивале, по случайности

ли, сознательно ли оказались подвержены одной страсти – страсти к театру. Безумный Нижинский, безнадежный авангардист Треплев и традиционалист Тригорин, изящная Аркадина, неопределенная, с трудом отвыкающая от идей Кости Нина Заречная. Наконец, Маргарита Готье из «Дамы с камелиями» живет, дышит и умирает в театре на балете «Манон Леско». Глядя в зеркало, она видит собственное отражение в судьбе эфирной и божественной Манон. Шекспировская формула «весь мир театр, и люди в нем актеры» стала метафорой творчества хореографа.

Игра ума, его фантазийность, образный язык, намекающий на широкие познания не только в музыке, но и в живописи, принесли Ноймайеру славу новатора сцены, не забывающего традиций классического танца. Но он сфокусировал свойства своего призвания на один предмет. Как искусствовед, он сочиняет сюжеты для своих балетов. Он – сценограф, обожающий игру света и тени, контражура, перламутровой дали светящегося задника, до предела открывающего глубину сценического коробки. Он – изумительный колорист с редким чувством стиля. Словом, это художник танца.

Авторский балет «Нижинский» одарил нас воспоминани-

ями об одном из гениев, которыми насытила мир Россия начала XX века. Затмение разума гения – как затмение солнца перед несчастьем, как пересечение в космосе света и тьмы. Два светящихся белых кольца в черном пространстве сцены осторожно движутся друг к другу, суля тьму. Феерический успех у публики и мучительные отношения с женой, сестрой (знаки материнского начала, заботы) и Дягилевым (знак любви, без которой невозможно творчество). Режиссер выводит на сцену знаменитые сценические создания Нижинского. Все они узнаваемы по воссозданным историческим костюмам Бакста, Бенуа. Есть тут и Тень Нижинского в исполнении юркого Юкиши Хаттори. Слава и безумие. Явь, отступающая куда-то в туман. Жена, партнеры по сцене, персонажи, как тараканы, разбежавшиеся по сцене. Безумный век, дисгармония мира, в который вошла война, разрушили героя. Ноймайер передает дух высокой трагедии конкретного исторического лица – Нижинского – через его создания, через исторические костюмы созданных им героев на сцене. И кукольные механические движения рук в беспомощные моменты жизни Нижинского – от его же сценического создания, Петрушки. Он дважды безумен – этот гений танца, проживший на земле 60

лет, вобравший в себя безумие жизни всего человечества.

Герой «Чайки» – тоже балет. Тут все поглощены этим. Танец – канва, по которой вышиваются самые разные рисунки. Вплетаются любовь, смерть. Сцена – квадратный плот, с которого удит рыбу Тригорин, забрасывая спиннинг и замирая на время. Сюда возвращается Нина из своего третьеразрядного варьете, потерянная и разочарованная. Зато приверженность Аркадиной классическим канонам – мила. Воздух эпохи, как культурный контекст, Ноймайер выражает в оживающих картинах великих живописцев – современников героев. Если в «Нижинском» мы вспоминали рисунки Бакста, Бенуа, то в «Чайке» – «Голубых танцовщиц» Дега, видения в духе Малевича или Пикассо.

Тонкое стилизаторство ни-коим образом не скрывает, напротив – только усиливает современность высказывания мастера. Даже в «Даме с камелиями» – спектакле не о жажде творчества, не о жажде жизни, а жажде и горе от любви – навязчиво пульсирует странная мысль об иллюзорности сущего, о подменах и двойниках в жизни и искусстве. О зеркальной глади вечности, отражающей тщету страсти, о вторичности реальных и подлинности мира по ту сторону рампы, а значит, и бытия.